

Кэти Лоуз

ФУРИИ

Новый психологический триллер

Кэти Лоуэ

Фурии

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Лоуэ К.

Фурии / К. Лоуэ — «Издательство АСТ», 2018 — (Новый психологический триллер)

ISBN 978-5-17-114779-2

Вайолет поступает в «Элм Холлоу» – частную школу для девочек на окраине сонного прибрежного городка. Для нее это шанс начать все заново после страшной аварии, оставив своих демонов позади. Немного странная и неуверенная в себе, она отчаянно пытается стать своей среди одноклассниц и вскоре оказывается приглашенной в продвинутую учебную группу под руководством очаровательной и таинственной преподавательницы искусств Аннабел. Девушки изучают не только историю искусства, но и таинственное прошлое школы, основательницу которой сожгли на костре за колдовство. В программе греческие мифы и кельтские легенды, история процессов над ведьмами и древние ритуалы. И как бы Аннабел ни убеждала своих учениц, что занятия носят исключительно академический характер, они не могут удержаться от практических экспериментов. Постепенно их поступки становятся все более мрачными и выходят из-под контроля. Как далеко пойдут девушки, чтобы защитить друг друга... или уничтожить друг друга?

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-114779-2

© Лоуэ К., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Осень	8
Глава 1	8
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кэти Лоуэ

Фурии

Роман

Посвящается Марии

*Я не пророк и мало думаю о чуде;
Однажды образ славы предо мною вспыхнул,
И, как всегда, Швейцар, приняв мое пальто,
хихикнул.
Короче говоря, я не решился¹.*

– Т. С. Элиот. *Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока*. 1915

Посмотрите на нынешних ведьм: стоит кому-нибудь задеть их честь, обзвав шлюхами, воровками и так далее, как они поднимают крик, начинают заламывать руки, заливаются слезами и, исполненные праведного гнева, с воем бегут к мировому судье; но оцените всю меру их тупости; такова уж их природа, такова их стихия: когда их обвиняют в ужасном и позорнейшем грехе ведовства, они всегда остаются самими собой и не проливают ни слезинки.

– Мэтью Хопкинс. *Разоблачение ведьм*. 1647

Katie Lowe
The Furies

* * *

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Caskie Mushens Ltd. и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Katie Lowe, 2018

© Перевод. Н. Анастасьев, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

«Странно, – говорили люди, заламывая руки и понижая голос до шепота, словно мы не могли их подслушать по параллельному телефону или через щели в стенах, – странно, что не было обнаружено ни единой причины ее смерти».

¹ Пер. А. Сергеева. –Здесь и далее примеч. пер.

«Непонятно», – говорили люди так, словно это изменяло тот факт, что на территории школы было найдено тело шестнадцатилетней девушки, и ни намек на то, каким образом и почему произошло несчастье. Никаких подозрительных следов на теле, при вскрытии не обнаружилось ни малейших признаков насилия, сексуального или любого иного, и ни единого волоска или волокна, который бы не принадлежал самой девушке, или ее друзьям, или матери, которую она в последний раз обняла утром, уходя в школу. Все выглядело так, будто у нее просто перестало биться сердце, в жилах застыла кровь, мгновенно и навеки оставив ее в неподвижности, свежую, как утренняя заря.

Газеты стерли этот образ, напечатав интригующие снимки ограждения, установленного полицией на месте обнаружения тела, – намек на ужасные события, которые могли там произойти. Но я-то успела все рассмотреть. Я и сейчас, когда не могу уснуть, вижу эту картину. Она отпечаталась в моем сознании – и не потому, что это было ужасно или травмирующе. Нет, как раз напротив: волнующее, стылое и сладкое воспоминание.

Сейчас я думаю о той сцене как о произведении, обладавшем удивительной ренессансной завершенностью – голова девушки была слегка повернута, как на «Пьете» Микеланджело; хотя тогда-то все виделось иначе. Сходство я заметила только через десять лет, когда оказалась в Ватикане. Слезинку, выкатившуюся у меня из глаза при рассказе об истории создания скульптуры, мои студенты, естественно, объяснили какой-то моей особой чувствительностью, нутряным восприятием красоты, созданной гением Микеланджело; я не сделала ни малейшей попытки разуверить их в этом.

При жизни она была красавицей: ребенок, начинающий осознавать свою силу, познающий себя, свое тело, свою расцветающую плоть, – но смерть, следует отметить, придала ее чертам некую поэтическую возвышенность. На ум приходила «Джоконда» Майкла Филда²:

Глаза, зовущие, чуть искоса. Навечно
Улыбка бархатом застыла на устах
И манит уголками губ.
И длань играет светом,
Покоюсь мирно на бедре.
Жестокость, алчущая выхода,
Но не кровавой жертвы...

Недооцененный, как мне кажется, дуэт. Как же я люблю эта строки, даже сейчас.

В такой вот позе ее и нашли, с открытыми глазами, сидящей, выпрямившись, на качелях. Безупречно сложенная, живая, если не считать голубых прожилок там, где должен быть румянец молодости, – из крови ушел кислород; необыкновенно тонкие серебряные браслеты, удерживающие кисти рук на цепях, прямая спина – трупное окоченение уже началось, когда девушку обнаружили на все еще слегка раскачивающихся качелях. Изящно скрещенные лодыжки, правда, одна туфля валяется на земле. И ко всему этому тонкое белое платье, сделавшееся из-за утренней росы почти прозрачным. Современный шедевр, точный и глубокий.

«Еще один ангел, вернувшийся на небо», – гласили карточки, прикрепленные к похоронным венкам, – чернила под дождем расплывались. На рынке фермеры и рыбаки бормотали что-то сквозь зубы; местные газеты, обычно ограничивавшиеся проблемами растущей в городке популяции чаек и бесконечными сбоями в регулировании одностороннего движения, из недели в неделю печатали ее фотографии, включая школьное фото, на всю полосу с набранной несообразно крупным крикливым шрифтом подписью «НЕ ЗАБУДЕМ». Газетные

² Майкл Филд – псевдоним, под которым создавали свои поэтические произведения Кэтрин Харрис Бредли (1846–1914) и ее племянница и воспитанница Эдит Эмма Кулер (1862–1913).

репортеры, настоящие репортеры из центральных газет и даже из зарубежных, неделями рыскали вокруг, вслушиваясь в приглушенные голоса и смешиваясь с местными в поисках следов, – такое воздействие произвело запечатленное на фотографиях лицо. В гостиницах беспрецедентно вырос спрос на номера; владельцы ресторанов мрачно шутили, что смерть должна бы чаще навеваться в эти края. Словом, с какой стороны ни посмотри, это был очень удачный год.

«Будут приняты все возможные меры для того, чтобы раскрыть это дело и предотвратить повторение подобного в нашем округе», – заявил начальник полиции, выпятив грудь и красуясь, точно петух, перед камерами. Впервые я смотрела его интервью вместе с матерью, а потом, много лет спустя, в одиночестве, дома, когда кто-то выложил его в интернет – зернистое изображение наводило на мысли о других страшных трагедиях телевизионной эры. Что-то в его картинке напомнило попавшееся мне некогда видео, на котором было запечатлено убийство Кеннеди: величественное зрелище, так же откинута назад голова. «Мы тщательно все изучим, подойдем со всех сторон, не упустим ни малейшей детали, допросим всех, кто был хоть как-то связан с этой девушкой, чтобы выяснить все обстоятельства, приведшие к этой трагической гибели», – продолжал полицейский.

Разумеется, ничего сделано не было. Допросили и исключили из числа подозреваемых обычную публику: друзей, бывших парней, безутешную мать – вот и все. Даже сейчас, если поискать в интернете по ее имени, можно найти детективов-любителей, выкладывающих на разных форумах свои теории – порой безумные, порой на удивление основательные. Далеко за полночь, когда темнота сгущается и моя потребность увидеть ее возрастает, любопытство приводит меня к ним. Я благодарна всем любопытствующим из интернета и незнакомому мне человеку, который выложил фотографии с места преступления десятилетия спустя. Они бьют по моим нервам, память раскаляется добела и становится предельно чистой.

Несмотря на все то, что последовало: полицейское расследование, допросы, слезы на камеру и жалостливые слова на радость несущим всякую чушь репортерам, – несмотря на то, что прошло так много лет, я продолжаю бороться с одной-единственной невыразимой правдой: я не жалею о том, что мы сделали. Ни о чем. Не знаю почему, но не жалею. Конечно, это было преступление, и, естественно, страх возмездия преследует меня. И все же вина – это не то чувство, которое я испытываю в связи с ее смертью.

Потому что весь тот год, что мы общались, во время всех тех событий, что привели к ее смерти – к убийству, – я ощущала себя более живой, чем когда-либо до или после. «Гореть, гореть всегда этим ослепительным, как у самоцвета, пламенем» – эти слова я постоянно повторяю своим студентам, хотя, кажется, их воображение они задевают меньше, чем некогда наше, – вот, по мысли Пейтера³, залог жизненного успеха. И вспоминая ее, я чувствую, как горит пламя, мощное и яркое.

Мы приблизились к священному. Мы прикоснулись к божествам, мы ощущали их присутствие в своих жилах. Похоть, зависть, жадность – вот что заставляло биться наши сердца быстрее, но на миг, на какое-то мгновение мы почувствовали себя по-настоящему потрясюще живыми. Остаться сидящей подобно Мадонне на медленно раскачивающихся качелях могла любая из нас. И лишь благодаря чистой случайности это оказалась она, а не я.

³ Уолтер Пейтер (1839–1894) – английский теоретик искусства.

Осень

Глава 1

Приезжие шутили, что в такие места люди направляются умирать. Городок на краю света, на краю века: абсолютный конец прямой.

Люди здесь больные и усталые, стареющие, похожие на остатки кирпичной кладки, разрушенной ветрами. На юге города любимое место самоубийц: меловые утесы, притягивающие на свои вершины отчаявшихся, чтобы сбросить их отсюда в холодное серое море. Резко обрывающиеся железнодорожные рельсы, дороги, ведущие только сюда и никуда больше... Все это, мне кажется, заметно с первого взгляда – отсюда и шутка. Но есть и кое-что еще...

Отсыревшие под дождями стены магазинов с полустершимися вывесками; киоски, покрытые птичьим пометом и граффити. Серые пляжи, состоящие в равной доле из песка и осколков стекла, смятых пивных банок и целлофановых пакетов. Клубы с игровыми автоматами на набережной: ковровые дорожки, пропитанные пивом и блевотиной, мелкие монеты, дребезжащие на жестяных стойках, мужчины, покуривающие в мертвенно-бледном свете экранов, замороженные звоном проваливающихся в щель монет. Поля, поросшие жухлой травой, колючая проволока и кирпич. Верфи: огромные металлические склепы, возведенные механическими зверями, назойливая, повсюду преследующая вонь рыбного рынка. Полуразрушенные бомбоубежища, каменная русалка с лицом, стертым ветрами.

Тут я провела юность и стала казаться самой себе застывшей фигурой на написанной маслом картине; распад все еще продолжается, кромка берега отодвигается все дальше под напором моря. Когда-нибудь все это исчезнет, и от этого миру будет только лучше.

О первых пятнадцати годах жизни сказать мне почти нечего, детство прошло тихо и скучно, дни и годы, ничем не различаясь, наплывали один на другой. Мама не работала, сидела дома, учила меня читать, смотрела, как я расту, у папы была небольшая лавка, где, как мне казалось, продавалось все, что угодно. Я иногда пряталась в темных прохладных уголках, таская с исцарапанных пластмассовых подносов и из отсыревших картонных коробок светившиеся неонами шариковые ручки и блестящие точилки для карандашей. Настольные игры заменили мне друзей. Книги я читала аккуратно – корешки в полном порядке, – бережно, словно на них начертаны древние руны, переворачивала страницы. Понимаю, звучит так, что мне было одиноко, но мне было хорошо.

Когда мне исполнилось восемь, мама объявила, что на Рождество нас ждет особый подарок, и провела ладонью по своему увеличившемуся животу. Подробности я узнала из энциклопедии. Представила себе, как растягиваются ее внутренности, ладошки впиваются в оболочку околоплодного пузыря, тот рвется, и наружу выползают крошечные пальчики. Это один из немногих рождественских дней, который я вспоминаю и сейчас, будучи взрослой.

Родилась девочка. Извивающийся, краснолицый, крикливый младенец с копной черных волос и холодными серыми глазами. Она была одержима, всю свою недолгую жизнь одержима, и вид у нее был такой, словно она знала больше, чем рассказывала, – маленькая хранительница тайн. Ей было семь, когда папа, везя нас на пляж, столкнулся с грузовиком. Он умер на месте, она продержалась четыре дня, хотя была почти не похожа на себя. Почти не похожа на живое существо: тело в синяках, весь череп в глубоких порезах.

Я же вылезла из машины с рукой в крови (не моей) и мокрым обломком кости (тоже не моей) в волосах. Стряхнула прилипшие осколки стекла и побрела прочь, чувствуя, будто очнулась после долгого страшного сна.

По-моему, это и был конец. Или начало, как посмотреть.

Их жизнь закончилась, а мамина остановилась. Даже несколько десятилетий спустя, когда я вернулась, чтобы прибраться в доме после ее смерти, там все оставалось так же, как в тот день. Выцветшие обои, вытершиеся от старости ковры. Те же книги на полках, те же видеокассеты, разбросанные в беспорядке перед телевизором, от которого по-прежнему исходил непрерывный низкий гул. Тот же небрежно завязанный галстук, свисающий с двери в спальню, те же смятые бумаги в мусорной корзине, те же последние слова, оборванные посередине предложения, на пожелтевшем листе бумаги.

«Быть может, мы могли бы предложить другой подход» – последняя папина мысль, запечатленная высохшими бурыми чернилами. Все будоражило память: везде были отпечатки папиных пальцев, повсюду по-прежнему звучал смех сестры, – это было как кожа, которую никак не сбросить.

Но я не испытывала никаких чувств. Уходя из больницы – ничего; бросая в могилу ком сырой земли, с мягким стуком опустившийся на лакированную крышку соснового гроба, – ничего. Мама рыдает, сидя на диване, запустив руки мне в волосы, прижимая к моим щекам влажные теплые ладони, цепляясь за мою жизнь, – все равно ничего.

Несколько недель спустя я проснулась на диване, – она сидела, уставившись на меня, словно видит призрака, закусив нижнюю губу.

«Мне показалось, что она... Мне показалось, что ты тоже умерла», – сказала она, заливаясь слезами и указывая на лицо на экране телевизора, похожее на мое за вычетом некоторых деталей. Пепельные волосы, но у нее блестящие, гладкие, а у меня жесткие и поседевшие, как старая веревка; глаза, как могло показаться, почти черные, если бы не янтарное пятнышко в радужной оболочке левого; округлый рот с пухловатыми губами, придававшими мне какой-то клоунский вид. Мои губы были потрескавшимися, покрытыми белыми бороздками лечебной мази, от которой я никак не могла отказаться, а у нее нежно-розовые, гладкие, обнажающие при улыбке белоснежные, без единой щербинки, зубы. Глядя на подрагивающее на экране лицо, я думала, что это мой улучшенный образ – такой я хотела бы быть. Идеальный образ, созданный художником, который легкими мазками сгладил мои недостатки.

«Возобновился общественный интерес к исчезнувшей ровно месяц назад молодой девушке Эмили Фрост. Ее местонахождение неизвестно, и семья вновь выступила с призывом сообщить любую имеющуюся информацию, связанную с ее исчезновением».

Я смотрю на мелькающие на экране изображения, узнаю знакомые утесы и еще более знакомые обрывы. В наши дни никому не приходит в голову подсчитывать количество самоубийств. В последний раз Эмили видели именно там, на самой вершине.

– Мам, я здесь. Она – не я. Она просто спрыгнула, – проговорила я, протягивая руку к пульту. – Они все такие.

«Мы хотим одного – чтобы ты вернулась домой, – говорил ее отец, глядя прямо в объектив камеры. – Нам тебя так не хватает. Пожалуйста, ну пожалуйста, возвращайся».

Я переключила канал и снова заснула.

Если в чудесном спасении в автомобильной катастрофе – помимо очевидного – есть приятная сторона, то это что никто не заставляет тебя идти в школу.

«Только когда сама поймешь, что готова, – сказала мама. Стоявший позади нее врач – к усам его прилипли кукурузные хлопья, на очках заметны отпечатки пухлых пальцев – внушительно кивнул. – Тебе нет нужды делать что-то против своей воли. Никуда не торопись».

Так я и делала. Никуда не торопилась: пропускала уроки, убеждая себя, что «учусь дома». Пришла только на экзамены в конце года, оказавшись в тихом зале, в окружении знакомых мне людей. Заметив, что я вошла и тут же вышла, мои бывшие одноклассники принялись перешептываться. «Я думал, она умерла», – обронил кто-то из них, указывая на меня обкусанным до крови пальцем.

Я уже распланировала свое будущее или, по крайней мере, сделала общий набросок. Окончив школу, я уеду – хотя куда, пока не ясно. Найду работу. Скажем, официанткой в каком-нибудь тихом кафе, где разные интересные люди будут рассказывать мне фантастические истории. Или продавщицей в книжном магазине, открывающей скучающим детям новые миры; наконец, смотрительницей в художественной галерее. Можно научиться петь или играть на гитаре. Можно написать книгу, куда жизнь вокруг меня неторопливо продолжает свой ход. Ничего захватывающего дух, разумеется, но и того довольно. Куда угодно, только не остаться здесь, не в этом городке, где серость старых домов, неба и моря заползает в сердце, неудержимо наполняя его тьмой.

В день, когда стали известны результаты экзаменов, я пришла домой и застала маму на кухне стискивающей в побелевших от напряжения кулаках какие-то бумаги.

– Вот что тебе предлагают, – сказала она, протягивая мне анкеты для поступления в Академию «Элм Холлоу»⁴ – частная школа для девочек, расположенная на окраине города. – Это компенсация – пояснила она, – компенсация от транспортной компании, под колеса тягача которой попала наша машина.

Школа, в моем представлении, это заклеенные окна, коробки домов с потрескавшимися стенами, серыми даже при солнечном свете, холодными классными комнатами, туалетами, где зеркала изрисованы надписями, и острым запахом подросткового пота.

«Не хочу», – сказала я и вышла из кухни.

Мама не стала спорить. Но бумаги так и лежали на кухонном столе еще несколько недель, и всякий раз, проходя мимо, я чувствовала, что меня тянет к этим глянцевым картинкам на обложке рекламного проспекта: кирпичные здания на фоне пронзительно-голубого неба, тонкие, как игла, лучи солнца, пробивающиеся сквозь жемчужные облака позади готической арки. Ощущалась во всем этом какая-то декадентская, завораживающая роскошь, предназначавшаяся – это я хорошо понимала – не для меня, но при колеблющемся кухонном свете, в пробирающей до костей сырости представляющаяся совершенно иным миром.

В результате я – неохотно, по крайней мере на мамин взгляд, – согласилась хотя бы попробовать. Наш потрепанный «вольво» урчал у меня за спиной, я повернулась, чтобы помахать на прощание, мама – думая, что никто ее не видит, – сидела, опустив взгляд на руль, с застывшей на губах улыбкой и свесившимися прядями невымытых волос. Я вздрогнула, как от боли, и повернулась, перехватив внимательный взгляд проходившей мимо девушки, и мы обе почувствовали себя неловко.

Я быстро направилась к зданию школы, глядя на башню с часами – скоро мне объяснят, что ее следует называть «Колокольня», – замороженная матовым блеском, особенно ярким при солнечном свете, и нырнула под арку, ведущую к главному зданию. На ступенях, перешептываясь, группами сидели девушки.

Никем не замеченная, я вошла внутрь и трижды назвала свое имя грузной седовласой даме. Она равнодушно посмотрела на меня через стеклянную перегородку, покрытую многочисленными следами пальцев и застарелыми царапинами. Затем, не говоря ни слова, подтолкнула мне через окошко кипу бумаг и указала на ряды стульев. Пока я сидела, тупо проглядывая бесконечный список кружков и внеклассных занятий, не вызвавших у меня ни малейшего интереса, мимо проскользнула, улыбнувшись на ходу и помахав двумя пальцами, какая-то рыжеволосая девица в красочно изодранных на бедрах джинсах и с прилипшей к губе самокруткой. Я смотрела ей вслед, пока она не смешалась с толпой других школьниц, и только тогда выдавила в ответ слабую смущенную улыбку.

«Наверно, она улыбалась кому-то другому», – подумала я. Но, оглядевшись вокруг, убедилась, что, кроме меня, никого тут не было. Я сидела ошеломленная среди мраморных бюстов

⁴ Долина вязов (англ. Elm Hollow).

и мрачных портретов давно умерших директоров, пока не прозвенел звонок и толпа учениц не рассеялась. Я ждала, вглядываясь в пустые коридоры, размышляя, не забыли ли обо мне.

Позади скрипнула дверь; я услышала свое имя и поднялась. Стоявший в проеме мужчина был высок, хотя и не слишком, вперед выдавался небольшой живот. Твидовый пиджак и свитер, очки в роговой оправе; кожа болезненно-бледная, как у тех, кто проводит слишком много времени в закрытом помещении. Он посмотрел на меня, поморгал, откашлялся, протянул руку с сомкнутыми, перепачканными чернилами пальцами и негромко пригласил следовать за ним.

Он убрал со стоявшего рядом со столом продавленного кресла стопку книг и кипу беспорядочно разбросанных бумаг и кивнул мне.

– Присаживайтесь.

В кабинете было тепло, даже немного душновато; рядами, поднимаясь до самого потолка, стояли книги, покрытые толстым слоем пыли, на стенах висели литографии средневековых гравюр.

– Чашку чая? – предложил он.

Застигнутая врасплох за разглядыванием кабинета, я покачала головой.

– Что ж, начнем с моей обычной рекламной речи, а после познакомимся, – сказал он, садясь за стол и наклоняясь ко мне, уперев локти в колени. Он выдохнул: кисло запахло несвежим кофе. – От имени преподавательского состава «Элм Холлоу» я рад приветствовать вас среди наших учениц. – Он помолчал, улыбнулся. – Школа у нас небольшая, но с интересной и богатой историей, и мы гордимся тем, что среди наших выпускников есть люди, преуспевшие в многочисленных областях, в том числе в науках и искусствах.

Вновь наступила краткая пауза, словно от меня ждали какой-то реакции. Я кивнула, и он продолжил с улыбкой, с которой смотрят на хорошо дрессированную собаку:

– Некоторые из этих профессионалов входят в наш преподавательский состав, и у школьников, имеющих в своем распоряжении широкий набор классных и факультативных курсов, есть возможность последовать их путем. Меня зовут Мэтью Холмсворт, я декан по работе с учащимися. В основном преподаю историю Средних веков, но в круг моих обязанностей входит и распределение школьных стипендий, и, конечно, прием новых учащихся вроде вас. Вы можете называть меня по имени, хотя, что касается других преподавателей, посоветовал бы обращаться к ним «доктор такой-то и такой-то», по крайней мере до тех пор, пока у вас не сложатся более доверительные отношения. Хотя, говоря по чести, есть и такие, с которыми они вообще вряд ли когда сложатся... В любом случае я предпочитаю, чтобы меня звали Мэтью.

Он остановился, глубоко вздохнул и снова улыбнулся. Я отвернулась. За недели и месяцы, прошедшие после автокатастрофы, я вроде как привыкла, что люди смотрят на меня как на «трагическое чудо», словно сам факт моего существования смущает их. Меня от этого тошнит.

– Так что же привело вас сюда, Вайолет? – спросил он, хотя, судя по взгляду, ему это и так было известно.

– Хочу получить диплом с отличием, – ровным голосом сказала я.

– Прекрасно. Просто прекрасно. Я слышал, вы весь прошлый школьный год занимались самообразованием – это верно?

Я услышала скрип стула и подняла голову: он еще ближе склонился ко мне.

– Да. Я... Да, верно.

– Что ж, это впечатляет. Весьма. Вы можете собой гордиться.

Я кивнула. Он посмотрел на мою анкету и слегка, почти незаметно приподнял брови. Несмотря на подростковое равнодушие, я отдавала себе отчет, что немало преуспела: во всяком случае, результаты были лучше, чем от меня ожидали.

– Вижу, вы интересуетесь предметами в области искусств, – снова заговорил он. Я вспыхнула, ожидая продолжения, и в животе у меня остро заняло от чувства стыда. – У нас велико-

лепные преподаватели, наша программа по литературному творчеству не имеет себе равных, а большинство наших учениц, занимающихся музыкой, не пропускают ни одного значительного концерта в здешних консерваториях да и в Европе, так что вот вам как минимум две хорошие возможности. Подумайте также о курсе живописи. Аннабел, правда, отбирает учениц весьма придирчиво, но, если хотите, я с радостью посоветую ей посмотреть ваши старые работы...

По ходу разговора он рассеянно водил пальцем по стеклу гравюры, лежавшей у него на столе. Черная тушь на кремовой бумаге: женщина, привязанная к столбу, пристально смотрит на какое-то огромное чудовище с кривыми рогами и большими крыльями. Позади – трое вампиров, тянущих лапы к ее шее.

Повисло молчание. Я поняла, что он ждет ответа.

– Все это... Потрясающе.

– Вот и прекрасно, – заключил он с видом Санта-Клауса на рождественской распродаже.

– Может, у вас есть какие-нибудь вопросы ко мне?

– Можно взглянуть поближе? – Я потянулась, но тут же, спохватившись, отдернула руку.

– На это? Разумеется. – Он замолчал на секунду. – Только сегодня утром доставили. Я гонялся за ней с тех самых пор, как начал здесь работать.

Он протянул мне гравюру. Я положила ее на колени и нагнулась, пристально рассматривая перья и чешую чудовища, его безумные, дикие глаза, улыбку торговца подержанными машинами. У ног женщины плясали языки пламени, поднимающиеся к волосам, струящимся вниз по спине.

– Маргарет Буше, – пояснил он, выдержав паузу. – Полагаю, вам известна история «Элм Холлоу»?

Я подняла на него глаза.

– Я читала ваши проспекты.

– О нет. Это всего лишь реклама. Все, что там написано, разумеется, верно, – добавил он с кривой улыбкой. – Но это скорее цензурированная версия. Большинство наших преподавателей привлекла сюда история, услышанная ими еще в школе, – это богатый материал для научных изысканий. – Он понизил голос до доверительного шепота. – Меня, например, интересуют суды над ведьмами, проходившие здесь в семнадцатом веке. Вполне возможно, на том самом месте, где мы сейчас с вами находимся.

– Seriously?

– Еще как серьезно. Вяз, который вы миновали по пути сюда, растет как раз там, где Маргарет была предана огню.

Я пристально посмотрела на него, но он с энтузиазмом продолжал:

– Считалось – хочу подчеркнуть, это далеко не факт, всего лишь средневековое верование, – что здешняя почва была плодородна для всякого рода ведовства. Здесь зародилось множество народных преданий, хотя с течением времени сама Долина вязов упоминаться в них перестала. Но для нашей школы это, мне кажется, совсем недурная реклама.

– Правда?

– Чистая правда. Какое-то время, говорят, тут творилось настоящее безумие – хотя это, в общем, не моя епархия, я только медиевист. Однако до сих пор сюда приезжают любопытные, стремящиеся повидаться с самим Сатаной. – Он ухмыльнулся и откинулся на спинку стула. – Но на самом деле их ждет встреча в приемной с миссис Коксон, после которой они вскоре исчезают.

Он вдруг закашлялся, словно останавливая самого себя.

– Ладно, так или иначе, повторяю, эта гравюра давно меня занимает. Конечно, это не оригинал, копия, но очень хорошая. И не волнуйтесь, – с улыбкой сказал он, – здесь у нас водятся не только дьяволы и рычащие монстры – по крайней мере, насколько мне известно. Давайте лучше займемся вашим расписанием и посмотрим, что мы сможем вам предложить.

Я вышла из кабинета, сжимая в руках расписание: лекций и семинаров было на удивление мало. «Мы считаем, что наши ученицы должны посвящать свободное время занятиям, которые помогут им стать гармонично развитыми молодыми женщинами», – пояснил декан, пока я с некоторым недоумением изучала листок.

Я записалась на практические занятия по изобразительному искусству и на курс лекций по эстетике, а также на курсы по английской и классической литературе – в прошлой школе ей почти не уделяли внимания, но меня она занимала с самого детства, когда папа рассказывал мне перед сном истории про медуз и минотавров. Таким образом, набрался максимум – больше чем на четыре курса записаться было нельзя, – и гадала теперь, чем займу свободное время, предполагая, что подруг у меня тут не будет, так что придется рыться в книгах.

Коридор, ведущий к кафедре английской литературы – там проходило занятие, на которое я опаздывала уже на добрых двадцать минут, – выдавал возраст школы, хотя и тут сохранилась некая патина былого величия, мрачноватая пустота – словно ты попал в иное время.

Здесь не было брошюр по половому воспитанию, засунутых в проволочные подставки, не было выставки поделок из цветного картона с подписями детским почерком; не было раскрашенных кирпичиков и фигурок из папье-маше – тоже образцов детского творчества; не было локеров и потертого линолеума на полах. Ничего такого. Я шла по теплому коридору с низким потолком и потертой ковровой дорожкой мимо деревянных дверей с прикрепленными к ним расписанием занятий и именами преподавателей.

Для сентября было слишком тепло – хотя скоро мне предстояло узнать, что центральное отопление работало только с сентября по Рождество, так что в первые несколько месяцев академического года нам приходилось изнемогать от жары, а затем разглядывать лица преподавателей сквозь пар от собственного дыхания.

Дойдя до нужной аудитории, я с досадой ощутила, что на лбу у меня выступили капельки пота, а свитер под рюкзаком неприятно прилип к спине. Я постучала и заглянула внутрь.

Все девушки дружно обернулись ко мне, бросили оценивающий взгляд, определяя мое место в иерархии. Я еще крепче вцепилась в ручку двери, костяшки пальцев покраснели, потом сделались белыми. Преподаватель – профессор Малколм, единственный из встречавшихся мне когда-либо до или после того, кто настаивал на таком обращении, хотя на каком основании, мне еще предстояло узнать, – оказался коротконогим лысеющим господином с удивительно мелкими чертами лица, носом картошкой, тонкими губами и черными птичьими глазками.

– Я... Я новенькая, – нервно выговорила я.

– Что ж, садитесь. И попробуйте чему-нибудь научиться.

Продолжая урок, он повернулся к доске, а я протиснулась между столами, нашла свободное место и, заглядывая в раскрытые книги и каракули в конспектах соседок, постаралась сообразить, о чем идет речь.

– И, заключает Блейк, «люди забыли, что все страсти таятся в человеческой груди». Что, по-вашему, это означает?

Ответом ему стало молчание, и он вздохнул. Я подняла руку. Он снова вздохнул:

– Да?

– Блейк находит мораль и религию слишком... слишком стесняющими. Он считает, что они ограничивают дух человеческий. – Я густо покраснела, почти сразу сообразив, что натворила. Повисла стылая, беспощадная тишина – одно из тех орудий, которые, как мне предстояло узнать, имеются в распоряжении учениц «Элм Холлоу».

Малколм помолчал.

– Стало быть, вы?..

– Вайолет, – едва слышно проговорила я, и это единственное слово тяжело повисло в воздухе.

– Простите? – Он приложил ладонь к уху.

– Меня зовут Вайолет, – повторила – каркнула – я чуть громче.

Он кивнул и снова заговорил, а я съежилась на стуле.

– Человек – это дикое, склонное порой к варварству и наделенное половым инстинктом существо, – заявил он несколько наигранным тоном, и, видимо, чтобы нейтрализовать содержание высказывания, акцент он делал не на тех словах, что ожидалось.

Я огляделась, удивленная отсутствием какой-либо реакции на упоминание секса, но аудитория сохраняла молчание. Только тут я заметила девушку, которую мельком видела раньше – ту самую, рыжеволосую, – в трех рядах от меня. Она посмотрела в мою сторону.

Я перевела взгляд на стол, исцарапанный именами и какими-то закорючками, а когда наши взгляды все же пересеклись, она подняла бровь и улыбнулась. Я почувствовала, что атмосфера вот-вот дойдет до точки кипения, но, убедившись, что никто не обращает на меня внимания, взяла себя в руки и, в слабой попытке выказать беспечность, ответила легкой полуулыбкой.

Рыжая кивнула в сторону преподавателя, закатила глаза, улыбнулась, неслышно произнесла: «Осёл» – и повернулась к доске. Затем поудобнее устроилась на стуле и начала сворачивать самокрутку, запуская ладонь в стоявшую у нее на коленях под столом жестянку с табаком, – совершенно неподвижная, если не считать ловкой, умелой работы бледных тонких пальцев с обкусанными ногтями с черным лаком.

Мысли путались, лекция была скучной, в аудитории становилось нестерпимо душно. Ко времени, когда раздался звонок, я чувствовала себя едва ли не в трансе. Засовывая блокнот и ручку в рюкзак, я оглянулась: возникло ощущение, что за мной наблюдают. Но нет, вроде как обо мне все забыли и мое присутствие уже никого не занимало – девушки с рыжими волосами видно не было.

По средам, после полудня, в школе проходили факультативные занятия. Я пока никуда не записалась, так что провела остаток дня, исследуя кампус, бродя по огромному актовому залу, где местный хор разучивал какой-то тожественный траурный гимн.

Я шла длинными, с высокими потолками коридорами корпуса изящных искусств, где учащиеся театрального отделения забивались в укромные уголки и декламировали монологи, эхо которых разносилось по всему зданию. В музыкальных классах скрипачки репетировали вместе с пианистками, вновь и вновь повторяя одни и те же сложные пассажи, а снаружи свистел теплый осенний ветер, срывая с деревьев листья, медленно парившие в воздухе. Я все еще вижу, как, похожие на раскинутые руки, они приближаются к земле, слышу их хруст под ногами. Эта сцена, это настроение, они хранятся в моей памяти, они несут с собой горьковато-сладкий вкус юности, разлитые в воздухе запахи сирени и лаванды: совершенная идиллия, полная очарования.

Кроме столовой. Нетрудно понять, почему о ней ни слова не говорится в рекламных проспектах и почему ее никогда не упоминают в разговорах с родителями, навещающими своих чад: это изнанка школы, необходимая и грубая ее часть, одно из немногих мест учебного заведения, где функция перевешивает форму.

Под лампами дневного света столовая гроыхала и шипела, распространяя прогорклый запах топленого сала; торговые автоматы издавали оглушительный звон непрерывной работы. Школьницы толпились большими группами у металлических столов, окруженных старыми пластмассовыми стульями самой причудливой окраски и переделанными церковными скамьями, которые несколько лет назад перенесли сюда из подвального репетиционного помещения. Они и сейчас, много лет спустя, стоят там, еще более исцарапанные и покосившиеся.

Я устроилась в углу, жадно разглядывая девушек, изучая их, как изучал бы антрополог. Может, из-за этого научного интереса – хоть не сказать, что в старой школе я страдала от полного одиночества, – у меня возникали трудности с новыми знакомствами.

Я видела, как непринужденно все они носят одежду – сшитую, похоже, из материалов, специально созданных, чтобы царапать и колоть кожу: ботинки «Док Мартенс», черные, красные и желто-коричневые; заколки пастельных тонов в форме бабочек, не дающие рассыпаться густым волосам. Клетчатые юбки, джинсовые куртки. Бархатные повязки на голове, серьги, бусы, серебряные цепочки – все, что подчеркивает индивидуальность, обозначает какие-то секреты, которых у меня – одевавшейся просто, как предписывает школьный устав, – будто бы и не было. Я поняла, что одета не к месту себя, и погрузилась в книгу (роман, жеманная героиня которого начала меня раздражать и который я так и не дочитала).

Нельзя сказать, что мое появление осталось совсем незамеченным. Я ощущала на себе взгляды, хотя всякий раз, как поднимала голову, их отводили; слышала, переходя от одной группы к другой, перешептывания: «Она похожа на...» Можно представить, на кого именно: непонятное существо, домашнее животное, собаку, свинью, корову. По мере того как башенные часы медленно отсчитывали минуты, шепот становился все громче, переходя в шипение, тая угрозу; я краснела и еще больше съеживалась на стуле, думая только о том, как бы быстрее уйти отсюда.

Смахнув слезы, глядя на страницу и не видя слов, я заметила краем глаза, как за высоким окном столовой прошли трое. Мелькнула грива рыжих волос, их обладательница шла вприпрыжку рядом с двумя другими девушками, которые, болтая о чем-то и улыбаясь, расшвыривали ногами листья.

Вот бы, подумалось, они оглянулись на меня; вот бы рыжая весело улыбнулась мне, как в прошлый раз. Я поерзала на стуле и села демонстративно непринужденно.

Но никто из них не обернулся, они прошли мимо и нырнули в волны солнечного света, оставив позади себя длинные, гордо колеблющиеся тени.

Глава 2

Стены в студии были обклеены бледно-розовыми обоями с блеклыми рисунками по углам, напоминающими медленно ползущие облака дыма. Я почувствовала под локтем прохладную влагу, на манжете рубашки расплывалось фиолетовое пятно.

За неделю набралось столько желающих заниматься живописью, что стало просто невозможно выйти из аудитории без толстого слоя алой и голубой пыли от пастели на одежде. Мы оставляли множество следов по всей школе: зеленые отпечатки на библиотечных книгах, персиковые – на пробирках, голубые – на кофейных чашках и щеках друг у друга. Урок, надо полагать, заключался в том (Аннабел, наша наставница, редко подталкивала нас к очевидным, да и любым иным заключениям), что художник оставляет свои следы на всем, к чему прикасается. Пройдет много лет, прежде чем я пойму, насколько это верно.

Она усаживалась на край стола, не доставая ногами до пола, а мы, слушатели ее курса эстетики, затаив дыхание ждали начала занятия. Одета с головы до пят в черное, с волосами, падающими на плечи тяжелыми серебряными прядями, она казалась существом из иного мира. Даже в воспоминаниях она представляется личностью, наделенной неизъяснимой властью – властью человека, способного заставить аудиторию замолчать одним лишь своим появлением.

– Оскар Уайльд, – начала она, – определял эстетику как «поиск признаков прекрасного. Это наука о прекрасном, постигая которую люди стремятся отыскать связь между различными искусствами. Это, выражаясь точнее, поиск тайны жизни». Именно этим мы и будем здесь заниматься. Не ошибитесь. Да, вы еще молоды, время может казаться вам неисчерпаемым, но вам предстоит узнать – надеюсь, это знание придет не слишком поздно, – что эти уникальные моменты просветления и придают смысл жизни. И только от вас зависит, сумеете ли вы их уловить, понять, что они представляют собой на самом деле. И чем быстрее вы начнете, тем полнее будет ваша жизнь.

Дверь со стуком открылась, и в аудиторию, бормоча слова извинения, вошла невысокая блондинка в спортивном костюме. Она села на свободный стул рядом со мной и одними губами проговорила: «Привет». Удивленная тем, что со мной вообще поздоровались, я неловко улыбнулась в ответ. Аннабел холодно посмотрела на нее, и девушка сконфуженно отвернулась.

– Вам предстоит, – продолжала Аннабел, – развить свое эстетическое восприятие прекрасного, или того, что привлекло ваше внимание, путем формирования собственной философии – собственной теории искусства, позволяющей осознать свои вкусы и то, как они соотносятся с иными сторонами вашего жизненного опыта.

Она откинулась назад, повела плечами; при этом на ее шее ярко блеснула серебряная подвеска.

– В общем, это занятия не для ленивых, приходящих сюда четыре раза в неделю просто посидеть да послушать, что я говорю. Совсем наоборот. Я хочу, чтобы вы выработали собственные суждения и руководствовались собственным субъективным восприятием искусства. Тем из вас, кто предполагает заняться рисунком – а таких, как я понимаю, большинство, – следует использовать возможность развития этих идей за «границами языка», как говорил Витгенштейн, – с его учением вы, несомненно, познакомитесь в ходе наших занятий.

Аудитория зашевелилась. Лучшие педагоги знают, что молодежь, при всей своей жесткости и драматизме на редкость чувствительна к цепким фразам и поощрению талантов. Пусть даже это прозвучит как клише, но я все равно убеждена, что множество творческих натур сформировались в юном возрасте благодаря вот такому проблеску вдохновения.

Конечно, в тот момент казалось, что у каждого из нас полно перспектив, хотя, к примеру, никто не знал, кто такой Витгенштейн (да и сейчас, вынуждена признаться, мое знакомство с ним носит в лучшем случае поверхностный характер, его теории, на мой вкус, несколько

эзотеричны) или откуда у языка берутся эти самые границы. И никто не думал, что, если уж на то пошло, группа шестнадцати-семнадцатилетних подростков может быть, мягко говоря, несколько неквалифицированной для создания собственных теорий искусства. Нет, услышав столь вдохновляющие слова, мы, замороженные открывающимися перспективами, увидели себя в новом свете.

– Мари, – сказала Аннабел, поворачиваясь к темноволосой девушке (как оказалось, в столовой я уже встречала Мари – пронзительный высокий голос с нотками нервного смеха), – назовите произведение искусства, кажущееся вам прекрасным.

– «Давид» Микеланджело, – уверенно проговорила она.

– Почему? – спросила Аннабел, обнажая в кривой улыбке почти белые десны, сливающиеся с зубами.

– Потому что это символ силы и человеческой красоты.

Аннабел промолчала. В аудитории повисла мертвая тишина, напоминающая готовую захлопнуться ловушку.

– Вы действительно так думаете или – как мне кажется – просто повторяете, словно попугай, мои слова? – проговорила она наконец наклоняясь над столом и отодвигая в сторону лист бумаги, под которым оказался альбом скульптуры эпохи Ренессанса. Девушка побледнела и опустила взгляд. – Быть может, иным преподавателям нравится, когда ученики бездумно говорят то, во что сами не верят, но суть моих занятий, – с ударением на «моих» сказала она, поворачиваясь к девушке спиной, – состоит не в том, чтобы отвечать то, что вам кажется правильным. Меня интересует ваше собственное мнение. Мои собственные представления мне и так известны, нет нужды напоминать о них.

Она обвела взглядом аудиторию, останавливаясь по очереди на каждой из нас. Поймав ее взгляд на себе, я почувствовала, что в животе у меня заурчало.

– Вайолет.

– Да, мисс? – У меня перехватило дыхание, я с трудом сдерживала дрожь.

Это был первый случай, когда она обратилась ко мне напрямую. От нее исходил какой-то свет, можно сказать, внутренний; так, словно в жилах ее текла серебряная кровь, проступая наружу не синими, а светлыми венами. Вспоминая ее сейчас, я стараюсь понять, на самом ли деле она была такой или это мы сами наделяли ее такой аурой полубожества. В дни, когда верх берет разум, когда серая тишина осени проникает повсюду, – приходит очевидный ответ. Возможно, это была всего лишь игра света.

– Просто Аннабел, – без улыбки сказала она. – Итак, прошу, что вы выбираете?

Я почувствовала на себе выжидательные взгляды всех присутствующих. Мари не спускала с меня глаз, злоба на Аннабел перенеслась на меня. Я вспоминала все, что читала, видела, но из-за страха названия ускользали. Наконец перед глазами возникла картина: где-то в низине, в далеком городе, женщина, она хохочет, бредит, безумствует, дьявол, дико вращая глазами, выедаёт ей плоть.

– «Мрачные картины» Гойи, – произнесла я, еле шевеля языком.

Она описала в воздухе три круга ладонью, как бы приглашая меня к продолжению.

– Ну, там просто... Словом, есть в них что-то такое, что мне по-настоящему нравится.

– По-настоящему нравится? – Аннабел подняла бровь. – Не сомневаюсь, вы можете проанализировать это немного глубже.

Я почувствовала, как у меня заколотилось сердце. По правде говоря, я видела эти полотна, вернее, их репродукции, когда мне было пять, от силы шесть лет, и ощутила тогда странное возбуждение от всего того ужаса. Мама почти сразу вырвала у меня из рук книгу, но картины застряли в памяти. Несколько лет спустя я украла такой же альбом в букинистическом магазине; мне было стыдно признаться, как я жаждала его заполучить, а с обложки на меня скалились в жуткой ухмылке страшные лица. Через три дня, убитая свои проступком, я

вернулась в магазин со стопкой старых отцовских книг – дар, по цене в несколько раз превышавший стоимость того альбома.

– Ну, как сказать... На самом деле это не просто эстетика, – неуверенно выговорила я. – Он рисовал эти картинки на стенах собственного дома, просто для себя. Он уже был знаменит своими портретами, замечательными портретами, а тут... Ну, от скуки, что ли... – При этих словах на лице Аннабел мелькнуло подобие улыбки, приглашающей меня продолжать. – Короче, когда он остался сам по себе, ему захотелось нарисовать эти жуткие вещи: на одной картине дьявол пожирает человека, на другой человек погружается в безумие. Для него это вроде как отдушина, возможная только наедине с собой.

Она кивнула и убрала светлую прядь волос за ухо. Я буквально почувствовала, как она слегка поворачивается ко мне, словно чтобы услышать что-то недосказанное.

– Полагаю, вам известна картина «Сон разума рождает чудовищ»?

– Простите? – Кажется, я побледнела.

– Это гравюра. Того же периода.

– А! Нет, ее я не видела.

– Непременно посмотрите. Вам понравится. – Аннабел отвернулась. – А еще лучше принесите с собой на следующее занятие, мы все вместе поговорим о ней.

В этот момент я почувствовала на себе взгляд и невольно оглянулась назад. Рыжеволосая девушка из моей группы по английскому задумчиво покусывала ноготь большого пальца. Перехватив мой взгляд, она усмехнулась, я ответила такой же улыбкой.

Она повернулась к Аннабел, я следом за ней, хотя все остальные в аудитории виделись мне словно в какой-то дымке – тот факт, что я заслужила одобрение Аннабел, пусть и мимолетное, поверг меня в состояние некоей приятной отрешенности.

Прозвучал звонок, и я начала собирать рюкзак; рыжая же и две ее приятельницы собрались вокруг стола Аннабел, о чем-то перешептываясь. Самая высокая из них пристально посмотрела на меня, нарочно понизив голос еще больше. Когда стало ясно, что эта троица ждет, пока я выйду из аудитории (поняв это, я залилась краской), я схватила рюкзак и шагнула к двери.

– Эй, погоди, – окликнули меня из-за спины. – Курнуть не хочешь?

Я обернулась и встретилась с насмешливым взглядом рыжей, остальные – и Аннабел – смотрели на меня с непроницаемыми лицами, похожими на маски.

Я не курила, но, захваченная врасплох (как я впоследствии утверждала, хотя на самом деле мне просто не терпелось завести знакомства), согласно кивнула.

Мы вышли и зашагали по коридору.

– Ну, как тебе «Элм Холлоу»?

– Да вроде нормально. Пока все хорошо.

Она толкнула входную дверь, и мы оказались на свежем осеннем воздухе. Я почувствовала, как капельки пота на бровях быстро высыхают. Мы молча шли в сторону курилки с ее сплошь исписанными и разрисованными стенами – она находилась позади главного здания, вдали от парковки и любых неодобрительных взглядов. Со спортивных площадок, подхваченные ветром, доносились веселые возгласы; в воздухе описывали круги, словно гоняясь одна за другой, ласточки.

– Ясно... Так ты откуда? – спросила она, несколько раз щелкнув зажигалкой, затем сильно встряхнула ее – пламя наконец-то вспыхнуло.

– Училась в «Кирквуде», – сказала я. – Но последний год провела дома.

– На домашнем обучении, что ли? – Она вздернула сильно подведенные брови.

– Примерно. Только я как бы сама себя учила.

– Круто. И как же так получилось?

– Я... Словом, мой папа умер. И мне сказали, чтобы я никуда не спешила, так что...

– Вот же! – бодро воскликнула она. – Мой отец тоже умер. – Она помолчала. – Это я к тому, чтобы ты знала: я тоже через это прошла.

– А-а. Печально. Сочувствую.

– Да нет, все нормально. На самом деле я его почти и не знала. Мама говорит, тот еще был говнюк.

– Ну-у... – проговорила я. – Все равно сочувствую.

Она улыбнулась, посмотрела куда-то в сторону. При дневном свете стали еще заметнее ее веснушки и длинные ресницы, на прохладном осеннем воздухе щеки покраснелись.

– Черт! – выругалась она и поморщилась от боли: докуренная сигарета обожгла ей пальцы. Она бросила окурочек на пол и придавила его туфлей с серебряным мыском. Из главного здания донесся звонок.

– Не хочешь как-нибудь зависнуть? – спросила она, поворачиваясь ко мне.

– Зависнуть?

– Ну да, оттянуться, оторваться. Сама понимаешь. Время провести. В компании. С друзьями.

Я промолчала: язык к небу прилип. Не услышав ответа, она продолжала:

– Надо полагать, это означает «да», потому что любой другой ответ был бы неслыханным хамством. На остановке автобуса. В пятницу. В три пятнадцать. Не опаздывай.

Она повернулась и, не сказав более ни слова, зашагала прочь через лужайку, вспугнув по дороге стайку воробьев. Я осталась на месте, потрясенная новым знакомством.

Не может быть, чтобы все было так просто.

Не то чтобы я была изгоем, но настоящих друзей у меня никогда не было. Я всегда была в стороне, почти незаметный игрок запаса, в то время как мои одноклассники превращали бунт в спортивное состязание. Слишком застенчивая, слишком нервная, слишком неповоротливая, я плелась в хвосте, не отрываясь от книг, нащупывая в кармане успокоительные наушники плеера, делая вид, что мне все равно. Не то чтобы я не могла поддержать разговор или никому не нравилась, просто не могла понять, как пересечь границу, отделяющую одноклассников от друзей, словно существовал то ли тайный код, то ли пароль, который следовало назвать, чтобы присоединиться к той или иной компании.

И вот буквально через несколько дней после поступления в «Элм Холлоу», будучи новенькой, появившейся в разгар семестра, без каких-либо особенностей, которые могли бы выделить меня среди других, не имея ничего выдающегося ни во внешности, ни в одежде, – я обрела подругу. Подругу, желающую «зависнуть». Я гадала, уж не разыгрывают ли меня. И почти убедила себя в этом: не было никаких сигналов ни от девушек, ни от Аннабел – ее студия была пуста, когда я проходила мимо на следующий день.

Наконец наступила пятница, и я направилась к автобусной остановке в окружении одноклассниц, которые, впрочем, уже сосредоточили свое внимание на чем-то другом и, казалось, совсем меня не замечали. На вершине холма виднелась в полуденном свете старая детская площадка, там с визгом, увертываясь друг от друга и описывая круги вокруг уставших родителей, носились младшие братья и сестры школьников. Я представила себе среди них белое, как луна, лицо сестры, ее шершавую кожу; покачала головой, пытаюсь отыскать в толпе школьников и посетителей Робин.

– Думала, ты не придешь, – раздался позади меня ее голос, и я почувствовала на щеке ее мозолистые пальцы.

– С чего это?

Я застыла на месте. Прошло много времени с тех пор, как ко мне кто-то прикасался, хотя я до сих пор этого и не осознавала. Ключицы матери прижались к моей шее через несколько дней после смерти отца. И это был последний раз.

– Ну, не знаю, – сказала она. – Показалось, что тебе не особенно по душе моя затея.

– Да нет... Я... Я просто... – Я запнулась, благодарная прервавшим меня аплодисментам: какая-то девушка на автобусной остановке танцевала, вращаясь вокруг собственной оси с такой скоростью, что ее было едва видно.

Вместе с поредевшей толпой мы вошли в последний автобус; она крепко сжимала мою кисть. Она устроилась у окна, зажав между коленями гитару; я села рядом. В автобус набилось полно народу: всюду бледные ноги-руки и спертый воздух.

– Итак, – сказала она, поворачиваясь ко мне с картинно распахнутыми глазами. – Откуда ты, говоришь?

– Кирквуд, – повторила я.

– Это мне уже известно. Скажем так: расскажи мне все, все про себя.

Я посмотрела на нее. В голове было пусто, из памяти все выветрилось.

– Я... Я не знаю.

– Интересно, – ухмыльнулась она, и стало заметно, что ее губы перепачканы ягодами.

Она заметила мой взгляд и прижала руку ко рту.

– Ты из этих краев?

– Да.

– Тогда все понятно. Тоска, тоска, тоска. – Она прищурилась. – Да я не про тебя. Про город. Он скучный.

– Ну да.

– Ну да, – повторила она, откидываясь на спинку сиденья. – Давай про что-нибудь другое. Вопросы на засыпку: Вайолет не хочет говорить, потому что: а – она застенчивая, бэ – у нее есть масса чего потрясающе интересного рассказать, но она не хочет со мной делиться, вэ – в конце концов, она сама не так уж интересна, и я стала жертвой печального заблуждения. Ну, давай.

– Не «вэ», – сказала я и тут же почувствовала, что краснею. «Я ведь и впрямь не так уж интересна. Это правда».

– Пожалуй, «а» и «бэ» не так уж исключают друг друга. Итак, ты таки интерес представляешь, но стеснительна и не хочешь выдавать мне свои тайны. – Она посмотрела на меня и улыбнулась. – Что ж, так тому и быть.

Я решила попробовать иной, более простой способ поддержать разговор.

– Давай по-другому. Это ты расскажи мне про себя.

– Про себя? Ну, я-то у нас потрясающе интересна. Ящик Пандоры с одним-единственным отделением. Но помимо того я очень похожа на тебя. Тоже ничего не отдаю за так. – Она ухмыльнулась. – Ладно, пойдем шаг за шагом, не против?

Я улыбнулась.

– Играешь на гитаре?

– Бездарно. – Она обхватила гриф пальцами. – Но она позволяет мне выглядеть крутой.

Для начала.

– Ты и без того крутая. – Я вспыхнула. Мне вовсе не хотелось, чтобы это прозвучало так глупо и так льстиво.

Она горько фыркнула:

– Ладно, закрыли тему. Ты чуть ли не единственная здесь, кто счел, что я, Робин Адамс, крутая. Что почти автоматически превращает тебя в мою лучшую подругу. – Она протянула мне руку, и мы обменялись крепким рукопожатием. Комическая сцена, учитывая, как тесно было в автобусе. – Пошли, – сказала она, подтолкнув меня в бок локтем.

Автобус задрожал и остановился. Мы протиснулись к дверям и вышли на улицу; между домами проникал запах моря, – на территории школьного городка он не ощущался, раньше я не обращала на это внимания. Небо к полудню стало из голубого серым, западали крохотные бусины дождя, настолько незаметные, что я ничего не чувствовала до тех пор, пока Робин не

развернула над головой старую газету и жестом не предложила мне последовать ее примеру. «Дождь всю прическу испортит», – сказала она и ускорила шаг.

Я зашла за ней в заведение, торжественно именуемое «Международная кофейная компания» – единственный, да и тот совершенно обшарпанный зал на тихой улочке в богом и людьми забытом городке.

– Привет, сучки, – объявила она с порога о нашем прибытии.

Барменша – копна черных волос, губы красные, как уличный почтовый ящик, и тональный крем на лице под цвет и фактуру дубленой кожи – помахала нам:

– Кофе?

Робин кивнула, подняла два пальца и двинулась в глубь кафе, где в отдельной кабинке, шепчась о чем-то, сидели на латаном кожаном диване две девушки.

– Это Вайолет, – сказала она, сильно надавив большими пальцами мне между лопаток и подталкивая вперед.

Девушки с вежливым любопытством посмотрели на меня. Я неловко споткнулась, выпрямилась и улыбнулась. Они не произнесли ни слова. Затем одна из них, та, что пониже ростом, с зелеными глазами и почти прозрачной кожей, улыбнулась, жеманно помахала сигаретой и жестом предложила мне сесть рядом. Они с подругой поочередно наливали себе чай из явно предназначенного для одной персоны чайника, лениво испускавшего пар рядом с толстой книгой в кожаном переплете.

– Королева сучек, конечно, Алекс, – сказала Робин, устраиваясь рядом с другой девушкой и обнимая ее рукой за плечи.

Та сбросила ее руку, равнодушно кивнула, откинулась на спинку дивана, заплетая волосы в толстую, похожую на веревку косу, наблюдая за мной прищуренными, почти черными глазами.

– А этот херувимчик... – Робин ущипнула себя за щеку, да так сильно, что та побелела, – ...это Грейс.

Грейс закатила глаза, передала сигарету Алекс, та затянулась, и между девушками колечками поплыл дым. Робин смотрела на них, я наконец-то втиснулась в кабинку и села рядом с Грейс, которая, словно уступая мне место, отодвинулась к стене.

Девушки слегка улыбнулись мне, затем перевели взгляд на Робин.

– Ты уже?.. – негромко спросила Алекс.

– Нет еще, – откликнулась та. – Но удача приходит к тому, кто умеет ждать, верно?

Официантка со стуком поставила на стол две большие чашки кофе; под ними сразу же образовались лужицы – оказалось, стол стоял под почти незаметным наклоном, и в мою сторону потекла струйка. Официантка промокнула ее фартуком. Подняв голову, я встретилась с приветливым взглядом девушки, очень похожей на барменшу, только на добрых двадцать лет моложе.

– Привет, Дина, – певуче, чуть насмешливо произнесла Робин. – Как оно?

– Все хорошо, – ответила Дина, удаляясь за стойку.

– Святоша, – сказала Робин, подталкивая ко мне чашку. – Странно еще, что без четок.

– Или столба для сожжения грешников, – усмехнулась Алекс.

– На все воля Божья и все такое прочее...

Женщина за барной стойкой послала Робин быстрый предупреждающий взгляд, и девушки перешли на шепот.

Я отхлебнула кофе, стараясь не морщиться от горького вкуса, тут же прилипшего к языку. Это было не в первый раз, когда я пыталась хотя бы притвориться, что он мне нравится – я прочитала достаточно, чтобы знать, что все люди, которыми я восхищалась, обожали его, пили его черным, – но тут же, как и раньше, просто неприятный вкус уступил место горячей острой тошноте, а сердце забилося, как кролик в капкане. Но я продолжала держать чашку, чувствуя, как

горячо становится кончикам пальцев, и планировала вылить его, как только девушки на что-нибудь отвлекутся. Хотя, как я вскоре поняла, пыльное растение в кадке при входе в кабинку было пластиковым. Впрочем, можно было и сразу догадаться, увидев продавленные кожаные сиденья, мигающие лампочки без абажуров и выцветшие рисунки на стенах.

– Так, ну и что еще ты изучаешь? – спросила, поворачиваясь ко мне, Грейс, покуда Алекс и Робин были поглощены каким-то непонятным разговором, нить которого я давно потеряла. Она вертела в руках наполовину съеденный леденец, обдавая меня сладким дыханием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.